

УДК 821.512.154

«ЖЕЛТЫЙ СНЕГ» КЫРГЫЗСКОГО ПРОЗАИКА МУСЫ МУРАТАЛИЕВА**Абдыраманова А.Ш.***Бишкекский гуманитарный университет имени К. Карасаева, Бишкек,
e-mail: a.abdyramanova@yandex.ru*

Автор статьи дал литературоведческий анализ одному из значимых произведений кыргызской литературы – роману «Желтый снег» Мусы Мураталиева. Этот прозаик в советский период подвергся жесткой критике, его творчество стало предметом для негативного отклика в выступлениях Первого секретаря ЦК Компартии Киргизии А. Масалиева и председателя КГБ Кыргызской ССР В. Рябоконе. Публикацию его первой повести в журнале «Ала-Тоо» прервали, как в свое время в этом же журнале прервали «Джамилу» Ч. Айтматова. Внимание акцентировано на том, что было не свойственно литературе соцреализма, то есть не было партийно-классовой раскладки характеров и событий, иначе говоря, поступки героев были обусловлены психологически, а не идеологически. В статье проанализированы суждения местных литературоведов о романе «Желтый снег», основной задачей которых стала попытка увидеть черты соцреализма, «притягивание фактов». Освобождение от идеологических канонов при анализе романа дало возможность увидеть достоинство романа с точки зрения психологической наполненности и обновления средств поэтики. В таком ракурсе данное произведение еще не анализировалось. В этом заключается теоретическая новизна статьи.

Ключевые слова: текстовый анализ, соцреализм, партийная критика, принцип классовости, психологизм, идеология

«YELLOW SNOW» BY THE KYRGYZ PROSE-WRITER MUSA MURATALIEV**Abdyramanova A.Sh.***Bishkek Humanitarian University named after K. Karasaev, Bishkek, e-mail: a.abdyramanova@yandex.ru*

The author of the article gave a literary analysis of one of the most significant works of Kyrgyz literature – the novel «Yellow Snow» by Musa Murataliev. This writer was heavily criticized during the Soviet period, his work became the subject of a negative feedback in the speeches of First Secretary of the Communist Party of Kyrgyzstan A. Masaliev and Chairman of the KGB of the Kyrgyz SSR V. Ryabokon. The publication of his first novel in the magazine «Ala-Too» was interrupted, as in his time in the same journal has been interrupted publication of the «Jamilya» by Ch. Aitmatov. Attention is focused on what was not peculiar to the literature of socialist realism, that is, there was no party-class layout of characters and events, in other words, the actions of the heroes were determined psychologically, and not ideologically. In this perspective, this work has not yet been analyzed. This is the theoretical novelty of the article.

Keywords: text analysis, socialist realism, party criticism, the principle of class, psychology, ideology

В 1960–1970-е гг. в кыргызской советской литературе появились новые имена, новые писатели получили образование на высоком уровне – учились в Москве, Ленинграде, Киеве и других крупных городах страны. У них уже был опыт их предшественников по национальной литературе, им были доступны образцы мировой классики – русской и европейской. Перед ними был уже пример выдающегося взлета их соотечественника Чынгыза Айтматова. И те из них, кто сумел в таком контексте сказать свое оригинальное слово, не повторяя предшественников, не подражая классикам, достигли успеха, обретя широкое признание у читателей. Конечно, это поколение находилось в гуще современной им жизни, когда пришла «оттепель» и потом уходила в архив истории «эпоха Никиты Хрущева», взамен наступила «эпоха застоя».

Многие из них были уже двуязычными – писали на кыргызском и русском, в чем опять-таки примером был Ч. Айтматов с его двуязычной творческой практикой. Они

ориентировались на своих коллег из других республик, это, к примеру, казахский поэт Олжас Сулейменов, узбекский прозаик Тимур Пулатов и другие. Но при этом особый ориентир был коллег из русской советской литературы. В это время проявился феномен «деревенской прозы» – Василий Белов, Валентин Распутин, Федор Абрамов и другие. Из числа кыргызских авторов того периода следует особо выделить прозаика Мусу Мураталиева, произведения которого внесли весомый вклад в национальную кыргызскую литературу. Ему 78 лет, живет в Москве. В данной статье пойдет речь о главном романе советского времени «Сары кар» из его творчества.

Муса Мураталиев первым из писателей Кыргызстана получил профессиональное литературное образование по полной программе в Литературном институте имени Горького (1965–1970). В 1974 г. его назначили консультантом по кыргызской литературе при правлении Союза писателей СССР, с тех пор он живет в Москве. О его творче-

стве коллеги отзываются тепло. Е. Попов назвал его «настоящим писателем» [1].

Его первую повесть «Токой» («Лес») начали публиковать в журнале «Ала-Тоо» (на кыргызском языке), и тут же подвергли резкой критике по идеологическим соображениям. Надо отметить, что в этом же журнале и по таким же «соображениям» десять лет ранее подвергли критике повесть «Джамия» Чынгыза Айтматова, так что молодой прозаик пошел по стопам предшественника, ставшего к тому времени уже мировой знаменитостью. Еще большим нападкам подвергся роман «Май айынын күкүгү» (1981), на русском вышел в 1989 под названием «Майская кукушка». Здесь повествуется о трагических событиях национальной истории. В интервью 2011 г. М. Мураталиев отмечал, что реакция секретаря по идеологии Егора Лигачева на причину исхода кыргызов в Китай, представленная в романе, была шоковой: «Он причислил меня к отряду «врагов» советского строя». Далее, как водится, тогдашний первый секретарь ЦК КП Киргизии А. Масалиев был вызван в Москву и получил соответствующие указания. В результате в партийной газете от 21 февраля 1987 г. был опубликован текст выступления тогдашнего Первого секретаря ЦК Компартии Киргизии А. Масалиева, где он обвинил автора «в отступлении от классовых позиций и принципов историзма, сгущении красок и подогревании националистических предрассудков» [2]. Речь шла о кыргызском восстании 1916 г. против колониальной политики царской России. «Разборка» с писателем имела место в 1987 г., то было время горбачевской перестройки, поэтому «последствий», типичных для таких случаев, не последовало. Советская власть подходила к финишу.

Цель исследования: провести текстологический анализ поэтики романа М. Мураталиева «Сары кар» («Желтый снег») на основе текста романа, свободного от политической подоплеки. Роман был издан на кыргызском языке в 1979 [3], на русский язык переведен в 1982 и издан в Москве под названием «Желтый снег». [4]. В кыргызском литературоведении исследований романа М. Мураталиева «Желтый снег» мало. Известный кыргызский советский литературовед А. Садыков посчитал, что роман говорит о военном времени и современности, говорит о силе духа советского человека. Об одном из главных персонажей написал так. «До революции он был батраком у бая, испытал лишения, а когда пришла советская власть, вступил в борьбу с белой костью, с угнетателями народа, ловил их, участвовал в расправе над ними [5, с. 170].

Но само содержание романа расходится с такой трактовкой, потому что особого рвения в классовой борьбе герой не проявлял, не упоминается об его активном участии в казнях баев и аристократов, наоборот, он пытается спасти из-под обломков деспотичного бая. В интерпретации советского исследователя ощущается дань идеологии. Если учесть, что Болот (так зовут героя) встречается с девушкой, которая пригласилась баю Рыскулу, который позже женился на ней, а Болот через неделю умыкнул ее, то здесь присутствуют такие аспекты, как чувство соперничества и раненое мужское самолюбие.

Такой непривычный подход к изображению событий кыргызской истории и поведения персонажей соотносится с позицией автора «мне посчастливилось увидеть настоящих баев... Все рослые, степенные, мудрые... Раскулаченным в нашей семье оказался мой дед – Мураталы» [2].

Автор учебника «История кыргызской литературы» (2011). О. Ибраимов правильно сетует о том, что национальное литературоведение отстает от требований времени и нуждается в обновлении. «Речь о том, как сделать так, чтобы наука о литературе реально отражала и исследовала то идейно-тематическое и стилевое многообразие, которое характерно для кыргызской литературы» [6, с. 416]. Но даже в этом последнем по времени издания учебнике нет развернутой оценки романов М. Мураталиева, на наш взгляд, одного из самобытных национальных авторов, не говоря уже о предыдущих изданиях подобного рода. В статье использованы приемы общей, а также частной поэтики в сочетании с элементами биографического метода. Сам автор свое произведение обозначил как роман о любви. Слово сочетание «сары кар» в кыргызском языке имеет определенную смысловую нагрузку, так называют последний в году снег, выпадающий в горах весной. Он мокрый и быстро тает, это добрый знак для кочевников, означает, кроме общепринятого смысла, появление травы – корма для животных. У слова «кар» (снег) есть и такое значение, с иранского языка это «испытывающий унижение, находящийся в пренебрежении, терпящий оскорбления». Персонажи романа таковыми ощущают себя в разное время и в разных обстоятельствах. В таком смысле данное слово употреблено в тексте, когда на вопрос о женитьбе главный герой Акун отвечает так – «пока он есть, вы не станете снегом». Имеет в виду, что никому не даст их унижить.

Автор использовал известный прием «обрамленного повествования» – худож-

ник Акун, давно живущий в Москве, в состоянии творческого кризиса возвращается домой. Задумав написать портрет Айчурек (героиня эпоса «Манас»), он не может найти прототип для ее образа «Схватив фломастер, он начинает наносить штрихами портрет, который стоит перед глазами. Очень торопится, руки трясутся. Появляется силуэт высокой, красивой девушки, почему-то одежда ее как у современной девушки» [3, с. 119]. Прогулки по родным местам, встречи с родными наполняют его жизненной и творческой энергией. В свою очередь, встреча с Акуном заставляет людей задуматься о прошлом, переоценить свои поступки и отношения с близкими, в результате чего семейно-родственные узы и дружеские отношения, казалось, безвозвратно разрушенные, постепенно восстанавливаются.

Акун встречается здесь с Кенже, узнает в ней подругу детства, интерес к ней возрастает, обостряет чувство Акуна. Из разговоров выясняется, что она, избегая нежеланного брака, искала Акуна. Вот теперь она и видится ему прообразом Айчурек. Можно провести и сюжетную параллель между эпосом и романом, есть мотив поиска невесты (жениха), характерный для эпосов. В романе нет традиционного разделения на главы, в роли таковых выступают вставки о современности, чаще связанные с Акуном (он на могиле Сатара, чаепитие с аксакалами в доме Болота, ожидание Акуна в доме Сагалы и Сарыгыз). События происходят как-бы изнутри, они идут через воспоминания персонажей. От близких по времени (15–20 лет назад) к более далеким – жизнь при советской власти, жизнь до революции. Прямая последовательность нарушена (усложненная фабула), причем одни и те же события получают разные толкования, что создает целостную картину мира. Например, различные реакции на отправку в армию Маамета – от родителей, от жены, от Сагалы.

Здесь показана история семьи Болота. Его сын Маамет (грубый и жестокий) живет отдельно. Второй сын Сатар ушел из дому и женился на вдовой дочери богатого директора лесхоза (без согласия родителей), живет в районном центре у нее дома. В силу этих обстоятельств оба сына мало общаются с родителями, хотя перед войной у стариков уже не хватало сил справляться с хозяйством. Болот упал с лошади и сломал ключицу, правая рука перестала действовать. Маамета забрали на фронт, осенью того года родился его сын Акун. При попытке дезертирства на пять лет был осужден Сатар. Жены сыновей живут со стариками.

Селевой поток унес половину мельницы, Болот остался должником за мешки с зерном жителей, мешки унесла вода. Весенний желтый снег окончательно придавил остатки мельницы.

На третий год войны вернулся контуженный Сатар (после тюрьмы он был отправлен на фронт). О контузии свидетельствуют ночные кошмары и разговоры с маленьким Акуном. Сатар приступает к восстановлению мельницы, но работает там недолго, его хватил удар и через неделю он умер. Такова история семьи, в которой много недосказанного, нераскрытого, загадочного. Далее следует часть, где раскрываются тайны – это отношения внутри семьи и отношения с другими людьми.

Болот имеет свою «тайну» из своего прошлого. 19-летним юношей он сопровождал арестованного бая Рыскула. Вышли вечером, опасаясь нападения, но обнаружили себя. Начинается перестрелка, бай спрыгнул и исчез в ночи, слышны лишь звуки осыпающегося щебня. Всю ночь искали бая, а утром его нашел Болот, с риском для жизни пытался спасти, но последовал обвал. Впечатляет эпизод с покачиванием руки заваленного щебнем бая, тот был еще жив. Болот боится, что внук Акун пойдет в гости к матери и услышит историю о его прошлом. Его старая супруга Бурулуш вспоминает дореволюционные дни, как они встречались у родника, как бай Рыскул нашел их там и избил плетью.

После установления Советской власти Болот оставил отряд и обосновался здесь, стал лесничим, занимался садоводством. Власти помнили его заслуги, приглашали на собрания, он выступал, но никогда не вспоминал случай с баем. На прямой вопрос о том, что случилось в ту ночь, уклончиво отвечал – «случилось несчастье – сам бежал» [3, с. 165]. Он мечтал рассказать о том, что было на самом деле, но боялся себя, боялся народа. Однажды в столице, на слете добровольцев, услышал интерпретацию той истории молодым писателем, ему не понравилась, было много выдуманного. И вновь проснулся мучающий всю жизнь вопрос – «не сделал ли я это специально, мстя за себя, за свою жену».

Есть свой «тайна» и у Сагалы из его военного прошлого. Это встреча с Мааметом на фронте во время отступления. Тело Маамета придавлено танком, освободить его нет возможности. Две просьбы было у него – «не оставляй меня» и «застрели меня». Маамет просит дать ему в руки гранату. Инстинкт сохранения заставил Сагалы бросить его, отдав гранату. Наблюдая издали, он видит собравшихся вокруг

врагов, а затем взрыв – это Маамет взорвал себя и немцев. Героический поступок, но Сагалы не может о нем рассказать, чувствуя вину, что оставил друга и не выполнил его просьбу.

Вопросы нравственного порядка не дают ему покоя, терзают душевные переживания. «Зачем дал ему гранату, почему не остался с ним, может из-за Сарыгыз мстил, он издевался над ней». Вспомнил, как радовался, узнав о призыве в армию Маамета. «Почему не могу рассказать Сарыкыз, как он умер, не знаю, чего стесняюсь, есть ли здесь моя вина». Эти размышления заканчиваются решением – «нет, надо все рассказать Акуну, он поймет». Заметим, что и свою историю с баем Рыскулом старик Болот также хочет рассказать именно Акуну. «Пока я жив, сам своими устами расскажу правду, это моя обязанность» [3, с. 139]. Элемент «психоанализа» здесь на уровне.

В одном из интервью М. Мураталиев отметил так: «Чечдөбөлүктөр аркылуу бүтүндөй кыргыз турмушун чагылдырам. Адабиятта бул көнүмүш нерсе. Нобель сыйлыгынын ээси У. Фолкнер да өзү «жараткан» Йокнапатоф аркылуу чыгармаларында бүтүндөй америкалык турмушту берген. Ошонусу менен дүйнөгө кызык болуп калды» [7]. Переведем это. «Через жителей своего села Чеч-Тюбе я осветил жизнь всех кыргызов. В литературе это привычное явление. Лауреат Нобелевской премии Фолкнер показал жизнь всей Америки через «придуманый» им Йокнапатоф. Этим стал интересен миру». Думается, речь идет не об оценке писателем своего творчества, а о принципах и подходах создания художественного произведения. Через образы простых кыргызов обозначена важнейшая проблема современности – разобщение людей, даже самых близких друг к другу. Писатель отражает номадическое сознание, время нигде не обозначается в конкретных годах, только по сезонам (зима, лето, осень весна), даже при отображении военных событий. Время написания романа обозначено в его конце, это 1976–1978 гг. События излагаются сначала кратко, затем через образы отдельных персонажей эти же события расшифровываются приемом ретроспекции. Согласно теории М. Бахтина подобное выглядит так: «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета истории. Приметы времени раскрываются в пространстве,

и пространство осмысливается и измеряется временем» [8, с. 234].

Заключение

Казалось бы, все было в кыргызских романах до этого, жизнь людей до революции и социалистическая революция, вступление бедняков в Красную армию и аресты баев, Великая Отечественная война и трудности работы в тылу, и сама современность. Такой «набор» есть и в романе Мураталиева, но нет здесь самого главного для литературы эпохи соцреализма – нет «идеологической обусловленности» характеров, событий, поступков, нет четких сословных оценок (бай Рыскул, бедняк Болот). Мы видим людей, характеры и поступки которых психологически обусловлены и жизненны.

В образе главного героя отражены элементы биографии писателя. Акун (как и автор) творческий человек (художник), долгое время живет в Москве, изредка приезжая на родину. Сам Мураталиев воспитывался у деда, так же как и его персонаж. Мать его работала в лесхозе, как и героиня романа Сарыгыз. Имя Акун (Ахун) имеет несколько значений. Первое – это «подвижник, способный на жертву», второе – «мусульманский богослов, ученый мулла», третье – «наставляющий на путь истины».

Имя Болот в переводе на русский означает «сталь», в советском литературоведении это воспринималось как образ стойкого советского человека. Множество жизненных испытаний он прошел: противостояние с баем Рыскулом из-за любимой, людские пересуды, грубость старшего и непослушание младшего из сыновей, пережил смерть первого сына, болезнь второго, смерть одной невестки и уход из дома другой. Единственная большая радость – это рождение внука, но и это омрачено боязнью, что тот уйдет к матери. Великим тружеником был Болот, распахан землю, с которой получал урожай, построил мельницу и заводь, обслуживал сельчан, получая прибыль. В современном понимании он имел собственный бизнес, что не приветствовалось в то время, при этом дети ему никак не помогали. И вот в одну весну теряет все – снесло селом. Такой итог можно было трактовать как «расплату за отрыв от коллективного труда народа», но такая «теория» искусства не стыкуется с «практикой» жизни, представленной автором во всем ее блеске. От страшного потопа жизнь не кончилась. Старик выстоял, воспитал внука и отправил учиться. Все трудности преодолел.

Можно провести параллели между образами Болота и Сагалы, каждый из них имеет свою тайну, никому не раскрывает,

каждый мучается, решая, правилен ли был выбор. Даже детали сходны – рука бая, заваленного щебнем, и рука Маамета, держащая гранату. При этом есть «нюансы». В «вину» Болота не очень верится, а «вина» Сагалы как-то очевидна. Но возможно, что не все очевидно, однозначных ответов нет, в чем и кроется художественная сила этого произведения.

Роман «Желтый снег» является примером неординарного взгляда на историю и жизнь кыргызов. Кыргызские литературоведы «притягивали» факты, трактуя образы по канонам. С новым веком пришло окончательное «раскрепощение» литературной науки от идеологических стандартов.

Список литературы

1. Попов Е. о трех романах М. Мураталиева 9 марта 2015 URL: <http://murataliev.ru/archives/tag/evgenij-popov/page/2> (дата обращения: 28.09.2018).

2. Литературный вечер. Встреча с известным российским и киргизским писателем Мусой Мураталиевым URL: <http://www.mgu-club.ru/events/2011/13102011.html> (дата обращения: 28.09.2018).

3. Мураталиев М. Желтый снег («Сары кар») Повесттер жана роман. Фрунзе, 1979. 216 с. (На кыргыз. яз.).

4. Мураталиев М. Жёлтый снег: роман, повесть, рассказы. М.: Молодая гвардия, 1982. 304 с.

5. Садыков А. Кыргызские выдающиеся писатели (Кыргыз залкарлары). Бишкек, 2012. Т. 4. 321 с. (На кыргыз. яз.)

6. Ибраимов О. История кыргызской литературы XX века: учебник. 2-е изд., доп. Бишкек, 2014. 544 с.

7. Мураталиев М. Напишу воспоминания о 245-ти кыргызских писателях. (Муса Мураталиев, жазуучу: «Кыргыздын 245 жазуучусу тууралуу эскерме жазам...»). URL: <https://kmborboru.wordpress.com/2011/04/15/musa-murataliev-zhazuuchu-%e2%80%9ckyrgyzdyn-245-zhazuuchusutuuraluu-eskerme-zhazam-%e2%80%9d/> (дата обращения: 28.09.2018) (На кыргыз. яз.).

8. Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Эстетика словесного творчества. М., 1976. 424 с. URL: <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronmain.html> (дата обращения: 28.09.2018).